

Saga

МАРГАРЕТ ГРЭМ

ВОЙНА.
ИСТЕРЛИ
ХОЛЛ

Москва
2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г91

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Margaret Graham
EASTERLEIGH HALL AT WAR

Copyright © Margaret Graham 2015
This edition is published by arrangement with
Sheil Land Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC

Редактор серии *Ю. Милоградова*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Грэм, Маргарет.
Г91 **Война. Истерли Холл : [роман] / Маргарет Грэм ;**
[перевод с английского Т. Масленниковой]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 416 с. — (Сага. Романы о судьбах).

ISBN 978-5-04-111711-5

История борьбы, мечты, любви и семьи одной женщины на фоне жесткой классовой вражды и трагедии двух Мировых войн...

Казалось, что размеренная жизнь обитателей Истерли Холла будет идти своим чередом на протяжении долгих лет. Внутренние механизмы дома работали как часы, пока не вмешалась война. Кухарка Эви Форбс проводит дни в ожидании писем с Западного фронта, где сражаются ее жених и ее брат. Усадьбу превратили в военный госпиталь, и несмотря на скудость средств и перебои с поставкой продуктов, девушка исполнена решимости предоставить уход и пропитание всем нуждающимся. Пока не оправдываются худшие ее ожидания – очередная телеграмма приносит страшные новости.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111711-5

БЛАГОДАРНОСТИ

В раннем детстве я узнала, что мой дед по отцу, артиллерийский офицер, пережил Первую мировую войну и остался практически невредим, как и четверо его братьев. Мой дед по матери тоже выжил, но только для того, чтобы позже самостоятельно лишиться себя жизни. У войны длинные и цепкие лапы. Из-за всего этого я еще в юном возрасте увлеклась чтением книг о войне 1914—1918 годов и хотела бы сказать спасибо этим книгам, которых было слишком много, чтобы упомянуть каждую по отдельности.

Я — основатель и глава фонда *Words for the Wounded*, который помогает собирать средства для раненых в современных войнах. Во многом работа в фонде вдохновила меня на создание этой книги и помогла в работе над ней. Раненые остро нуждаются в поддержке, причем зачастую до конца жизни, которая, учитывая их юный возраст, может быть очень долгой.

Также выражаю благодарность потрясающим ребятам из *Wellington on the Strand*, особенно Микаэлю, Хосе и Эстер, за их поддержку в обеденные часы, когда я прокрастинировала, сидя над этим романом. Пожалуй, для солидности стоит назвать это время «часами раздумий».

ГЛАВА 1

*Вспомогательный госпиталь
и санаторий для выздоравливающих
в Истерли Холл, Рождество 1914 г.*

— Так, и что же мы будем делать с этой публикой? — тихо пробормотала Эви Форбс. Она с миссис Мур, старшей поварихой, стояла у огромного разделочного стола на кухне Истерли Холла, наблюдая за двумя мужчинами, которые устроили вокруг себя невероятный шум. Обе женщины старались не морщиться от звуков, с которыми один из них вставлял и вынимал нож из точилки, а второй скрежетал по сковороде лопаткой, переворачивая лук. Это была та самая кухня, в которой Эви проходила обучение в качестве помощницы поварихи с самого 1909 года, надо сказать, что к такому жизнь ее не готовила.

До войны Истерли Холл был частным домом, но его владелец, лорд Брамpton, пожелав, чтобы его поддержка стране на военном поприще стала очевидна всем, приказал своей дочери, леди Веронике, организовать на его территории госпиталь для раненых. Они с благоверной, правда, мгновенно переместились в свои более мирные обиталища в Лондоне и Лидсе, чтобы в спокойствии наблюдать за своими сталелитейными производствами, угольными шахтами, кирпичными фабриками, сделками по боеприпасам и за прирастающим доходом. По супругам, однако, и не скучали.

Эви почувствовала руку миссис Мур у себя на плече.

— Что же, юная Эви, кажется, овощи тебя ждут. Их надо пересчитать к ланчу, так что оставляю тебя разбираться с

ИСТЕРЛИ ХОЛЛ. ВОЙНА

этим маленьким беспорядком. В конце концов, Джек твой брат.

И она похромала на своих пораженных ревматизмом ногах к овощному складу, на другой конец просторной кухни.

Эви хитро улыбнулась, уперев руки в бока.

— Вы очень добры.

Одновременно с этим она возвращалась в своих мыслях к Ублюдку Брамptonу — так называли в этих краях лорда, который недавно потребовал, чтобы корзины с последним урожаем домашней фермы были отправлены в его лондонский дом незамедлительно. Этому пока не случилось, так что им явно предстояло вскоре услышать телефонный звонок. По крайней мере, с этой проблемой ей не придется иметь дело, так как леди Вероника теперь приноровилась нажимать на телефонный рычажок, жалуясь на ужасную связь, и класть трубку.

Пока миссис Мур спешила присоединиться к другим волонтерам на складе, Джек, старший брат Эви, темноволосый темноглазый парень с темными пятнами на лице от работы на шахте, все более свирепо вонзал нож в точилку — туда-сюда, туда-сюда. Неужели он не слышал, что скрежет был в сто раз хуже, чем от мела на грифельной доске?

Да и куда ему, если последние четыре месяца он строил из себя дурака, сидя на передовой в Бельгии и на севере Франции, среди бог знает какого шума и безумия? И что он на самом деле видит, когда вонзает нож в точилку? Эви решила не думать об этом, а вместо этого проверила все кухонные принадлежности, разложенные на столе для приготовления рождественского обеда, взглянула на часы, потом на Энни — помощницу на кухне, которая вошла, неся клюкву из кладовой. Она поставила банки на стол, кивая Эви, указывая на часы и приговаривая: «Давай, милая, разбери их». Затем она поспешила обратно.

В этот момент Джек выронил нож, выругался, схватил его с плиточного пола и воткнул в точилку еще раз. Эви понимала, что должна что-то сделать, но вместо этого с удивлением перевела взгляд со своего брата на Досточтимого Лейтенанта Оберона Брамптона, хозяйского светловолового сына и командира Джека, который просто помешивал лук, даже не переворачивая. Она же до этого просила его лишь слегка поджарить лук, чтобы потом начинить им индейку и курицу.

На какое-то время стало тихо, Джек уставился на свой нож. Затем мистер Оберон, как они все его называли, вернулся к переворачиванию лука, который уже начал гореть. Пока она наблюдала, дым становился все более черным, густым и едким. Как он мог этого не замечать, глядя прямо перед собой? Оба мужчины казались поглощенными, но чем? Эви почувствовала невыносимую печаль из-за их опущенных плеч и постаревших лиц — а ведь им обоим было всего по двадцать четыре года.

Эти двое, вместе с Саймоном, возлюбленным Эви, и камердинером мистера Оберона, Роджером, прибыли в отпуск накануне вечером. Они прибыли сюда за кусочком мирной жизни. Но она ускользала от них. Они не могли спокойно отдохнуть, или сосредоточиться, или долго говорить о чем-либо — так, по крайней мере, они сообщили Эви сегодня в девять утра, стоя на пороге кухни, словно шайка непоседливых мальчишек. Они сказали, что решили делать что-то полезное и помогать готовиться к Рождеству, чем, как казалось, заняты все вокруг.

К слову сказать, ее жених, Саймон, сразу же исчез и отправился в сад, чтобы заняться давно знакомыми ему делами ученика садовника, а остальные двое двинулись прямо в кухню, где им были поручены наскоро придуманные Эви задания. Роджер, некогда камердинер мистера Оберона, предложил почистить сапоги хозяина, но никто в здравом

ИСТЕРЛИ ХОЛЛ. ВОЙНА

уме не поставил бы и шести пенсов на то, что этому суждено случиться. Он скорее будет клянчить сигареты у проходящих мимо дурачков или жаться по углам с горничными, которые больше ничего не умеют.

— Мы, должно быть, сошли ума, когда согласились, — произнесла вновь возникшая рядом с Эви миссис Мур. — Страшно сказать, мы должны будем покормить шестьдесят раненых солдат меньше чем через два часа, не говоря уже о медсестрах, добровольцах, сотрудниках и родственниках, пришедших на посещение. Мы должны что-то с этим делать, это черт знает что.

Эви вновь взглянула на часы, как будто от этого магическим образом стрелки могли бы вернуться назад на часок. Этого не произошло.

По крайней мере, индейки, гуси и ветчина уже готовились, но рождественские пудинги надо было готовить как минимум два часа, а мясные пироги в комнате с выпечкой ожидали, когда для них появится место в духовке. Большая часть диетической еды, хотя не вся, была приготовлена еще в пять утра, после того как Эви, Энни и две служанки выгнали с кухни мышей, вымыли полы и зажгли огонь в плитах.

Миссис Мур повторила, погрузив руки в карманы своего грубого фартука:

— Да, это точно черт знает что. Пойдем, Эви, с Джеком ты точно договоришься, и, как бы это сказать, вы в некотором роде друзья с мистером Обероном. Он говорит, что твои пироги великолепны, и попросил тебя быть другом для леди Вероники, пока его нет рядом.

Эви жестом попросила ее говорить потише.

— Думаю, не всем нужно знать об этом.

Миссис Мур остановила взгляд на двух молодых мужчинах и тихонько рассмеялась.

— Боже, милочка, да это очевидно. Вы с леди Вероникой практически неразлучны и управляете этим госпиталем так,

как будто обе были рождены, чтобы командовать. Я списываю это на ту суфражистскую ерунду, которой вы обе увлекаетесь, но, как бы то ни было, получается у вас неплохо. И, между прочим, брать на себя ответственность — это дело, требующее практики, так что привыкай.

Миссис Мур поджала губы и пожала плечами.

Эви состроила гримасу.

— А, великолепно, и кто именно эта главная повариха, с этими самыми плечами, на которые должна лечь ответственность? Но боже, кажется, они сейчас слишком заняты — ими пожимают! Я так понимаю, вы намерены уйти?

Миссис Мур улыбнулась.

— Совершенно верно, и, поскольку предусмотрительность — это важнейшее из человеческих достоинств, а ты прекрасно осведомлена, милая Эви, что мы разделяем обязанности главной поварихи, а у меня ревматизм и все из этого вытекающее, то просто делай выводы. Пойми же, если ветер поменяется, ты останешься на месте, подумай об этом. Девочки все еще отчищают морковку от опилок на складе, а тебе нужно оказать влияние на эти две несчастных потерянных души, особенно на этого эксперта по луку, который явно намерен сжечь дом. О чем ты вообще дума...

Эви прервала ее, увидев, что лопатка снова зависла в воздухе, а нож опять вонзен в точилку.

— Я вспомнила, как один наш пациент, капитан Нив, говорил, что, когда первый раз приехал сюда, мог чувствовать только запах крови, грязи и нечистот. Я подумала, что хотя бы лук сможет пробиться через все это. Очевидно, нет.

Миссис Мур кивнула, оперлась на стол, подмигнула, и Эви поняла, что ей нужно присесть.

— Эви, что же такое они видят, чего не видим мы? — Она указала рукой на Джека, который уставился в пол после того, как воткнул в точилку нож, а потом на мистера Оберона, который тоже смотрел во все глаза, но уже

ИСТЕРЛИ ХОЛЛ. ВОЙНА

на белую замызанную плитку за плитой, крепко держа в руках лопатку. Дым распространился уже повсюду, а лук стал непоправимо черным и вялым из-за такого отношения. Миссис Мур ткнула Эви в бок. — Скорее убери их отсюда, пока остальные волонтеры не вернулись с перерыва, ты знаешь, как здесь любят болтать.

Эви вздохнула — все же слуга хозяину не ровня, в каких отношениях они бы ни были, — но, невзирая ни на что, здешние желудки ждали, что их наполнят. Она тихо обошла стол, стараясь собраться, и сказала, слегка повысив голос:

— Почему бы не оставить все это и не пойти прогуляться на свежем воздухе, мистер Оберон? Со вчерашнего вашего прибытия больше снега не выпадало.

Оберон не отреагировал. Эви дотронулась до его руки, вздрогнув, когда он резко обернулся, замахнувшись на нее лопаткой.

— Сэр! — крикнул Джек, выскакивая вперед с ножом в руке. Эви стояла неподвижно, пока мистер Оберон сначала внимательно посмотрел на Джека, потом на нее, его мысли явно стали проясняться, и вся кровь отхлынула от его лица.

— Спокойно, сержант. Простите меня, Эви. Я бы никогда... Не вас... Никогда. Какой абсурд... И миссис Мур... — Он положил лопатку на сковороду трясущимися руками. Он изучил взглядом лук. — Он действительно должен так выглядеть?

Напряжение рассеялось. Миссис Мур рассмеялась, а потом отправилась в кладовую. Эви засмеялась тоже, хотя во рту ее пересохло от шока и ее руки дрожали.

— Думаю, нет, потому что тогда никому бы в голову больше не пришла идея начинать луком курицу.

Джек медленно положил острый как лезвие нож на стол, сначала посмотрел на него, потом на свою сестру, его руки затряслись, а за ними — и все его тело. Значит, это поглотило их полностью. Эви хотелось изгнать войну из двух

молодых людей, которые были всего на три года старше ее, сказать им, что все будет хорошо, как всегда говорила ее мама. Но это было не так, разве нет? Они должны вернуться на фронт, завтра же.

Не зная его мыслей, Эви жизнерадостно улыбнулась, чему были обучены все, кто тут работал.

— Вам обоим нужно размять ноги, заняться чем-нибудь активным, подышать немного свежим воздухом. Здесь очень мирно и тихо, потому что охотникам позволено стрелять только в определенное время, чтобы не расстраивать пациентов. Пойдемте.

Она передвинула сковороду на столешницу и вывела их из кухни в коридор. Мистер Оберон взглянул на колокольчики, висящие на стенах, потом на Эви и затем кивнул, еще более погрузнев. Она поняла, что он впервые увидел, что надписи под колокольчиками сменились с имен на названия помещений госпиталя.

— Все изменилось, — прошептал он.

— Не все, — ответила Эви. — Кедр на главной лужайке остался прежним.

Он только слегка кивнул, Джек тоже. Эви направилась к задней двери, мужчины следовали за ней по коридору, как стая утят. У двери мистер Оберон вышел вперед и открыл ее для Эви, отступив и поддерживая ее за руку, пока та поднималась по ступенькам. Это было с его стороны неправильное поведение по отношению к прислуге, так что, наверное, он был прав — все стало совсем не так, как прежде.

Она достигла последней ступеньки. Напротив виднелись гаражи, в которых размещались игровые комнаты для детей добровольцев, за которыми присматривала мама Эви, Сьюзан Форбс. Изюм и Ягодка, таксы леди Вероники, которых лорд Брамpton приказал пристрелить, когда началась война, исчезли за углом, вероятно направляясь во французские сады, чтобы кланчить угощение у прогуливающихся паци-

ИСТЕРЛИ ХОЛЛ. ВОЙНА

ентов. Семья Эви приютила их, пока Ублюдок не уехал, и потом они вернулись в поместье.

Эви вышла на булыжную дорогу, высматривая Саймона, который сказал, что будет искать место, где главный садовник посадит куст роз в память о Берни. Берни был вторым помощником садовника, его другом. Он погиб от шрапнели где-то... Где это было? В Ипре? Где-то, где были дождь, грязь и холод, ну и чертовы ружья, как говорил Сай.

Его нигде не было видно. Она приставила ладонь ко лбу и взглянула на серое небо. У них есть только этот день, чтобы побыть вместе, а потом мужчины должны будут отправиться в обратный путь, и ей нужно хотя бы несколько часов побыть наедине со своим женихом. Ведь она не так много просила? Потом она закрыла глаза. Глупая, жадная девчонка, конечно, это много, и главное, что он был жив.

Слева от гаража работники кухни и добровольцы толпились на ступеньках из внутреннего коридора, сжимая в зубах окурки. Она ждала, считая секунды, уверенная в том, что через несколько минут услышит крик миссис Мур: «Ну и где вы пропадаете?! Да, я знаю, что кое-кто из вас, добровольцев, пожертвовал рождественским днем, чтобы помочь, но те ребята наверху пожертвовали чем-то чуточку большим, а ведь овощи сами себя не помоят и не почистят, стол сам себя не накроет, дичь вряд ли сама найдет путь в супницы, и на моем лице вы улыбки не увидите, пока большая часть работы не будет сделана. Ты, Салли Армитаж, можешь стереть это выражение со своего лица, потому что я лично не собираюсь больше сегодня терпеть никаких глупостей. Вы, девочки с посудой, мне нужны сковородки и нужны немедленно. Помните, сода и упорный труд — два секрета успеха».

Оба мужчины рядом с Эви рассмеялись. Джек подтолкнул ее.

— Очень мирно и тихо, да, красавица? Лучше уж охота целыми днями.

Снег только покрыл булыжники, но он уже весь был в следах волонтеров, которые приходили из нижних деревень Истона, Сайдона и Хоутона днем и ночью, как по расписанию, зная, что здесь могут быть их дети, мужья или братья, нуждавшиеся в их помощи. Она почувствовала холодный ветер, посмотрела на облака, несущиеся по небу, но потом услышала свое имя.

— Эви.

Это был ее милый, ее Саймон, бегущий по булыжнику и сжимающий в руке сухой шалфей и тмин для начинки, его лицо светилось от любви, его роскошные рыжие волосы ярко горели даже без солнца. Он сбавил шаг, когда увидел мистера Оберона, и начал салютовать, но затем остановился в нерешительности.

Мистер Оберон крикнул:

— Если нет формы — нет и официальных приветствий, Саймон. Скоро мы получим ее обратно, и весь этот чертов абсурд начнется заново, но пока она в стирке, а нас с Джеком отправили на прогулку. Боюсь, мы несколько превысили свои полномочия, но смею сказать, что ты добился наибольших успехов в деле помощи своей Эви. — Он посмеялся, хотя очень сдержанно.

С последней ступеньки они услышали еще один голос. Это была леди Вероника, сестра мистера Оберона, в кухонном фартуке вместо своей обычной формы медсестры.

— О, так-так, кто тут у нас, сегодня никому не удастся спрятаться. Возвращайтесь-ка сюда, сильные мужчины. Бедному мистеру Харви нужно помочь организовать столы так, как ты, Оберон, настоял — чтобы в помещении танцевального зала смогли поесть все вместе: слуги, сотрудники, пациенты и визитеры. Я аплодирую такому решению стоя, но нам необходимы твои крепкие солдатские мускулы, чтобы это осуществить, а то мистер Харви уволится с поста дворецкого и этот дом развалится на части. И ты тоже, Джек,